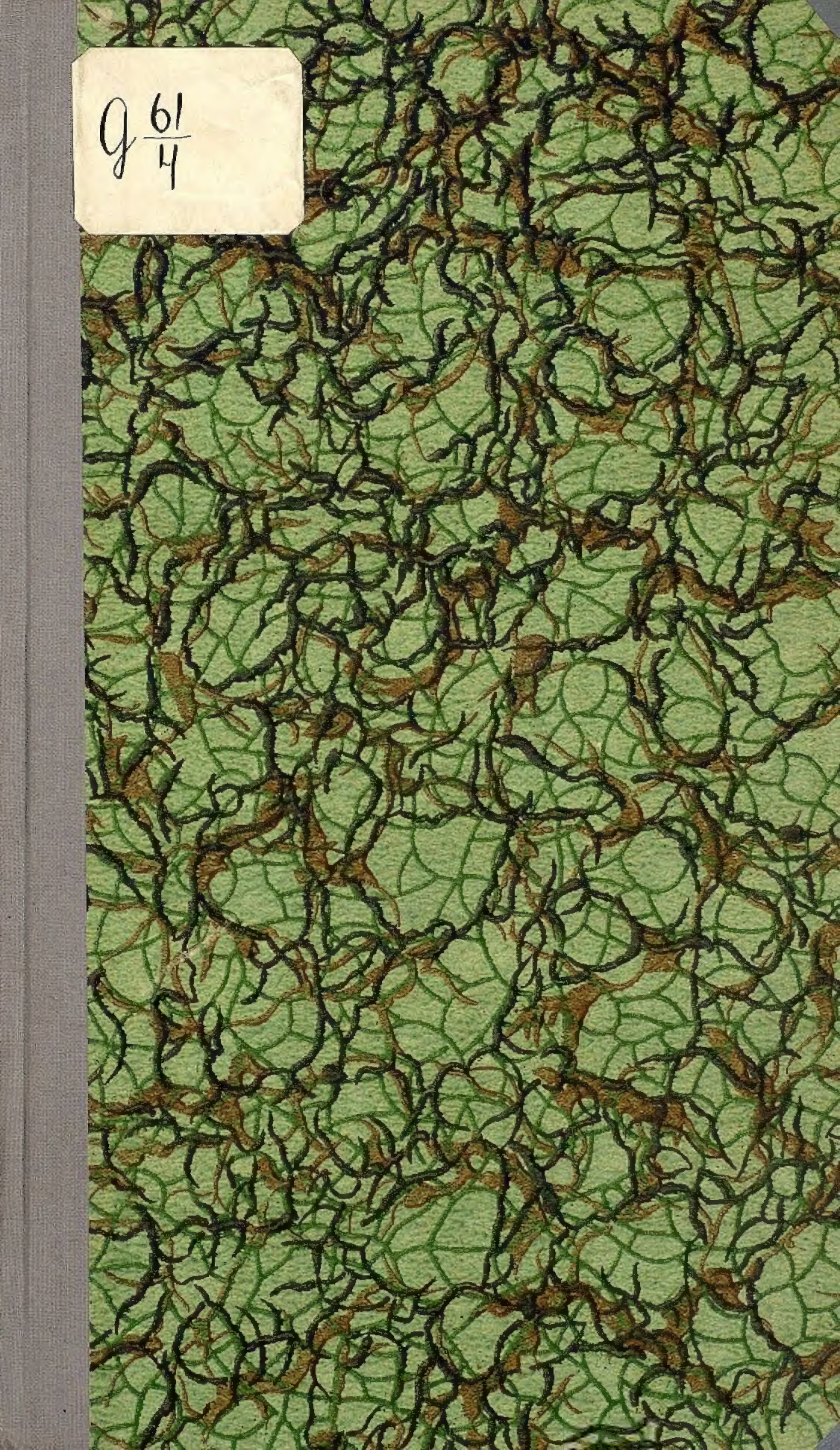
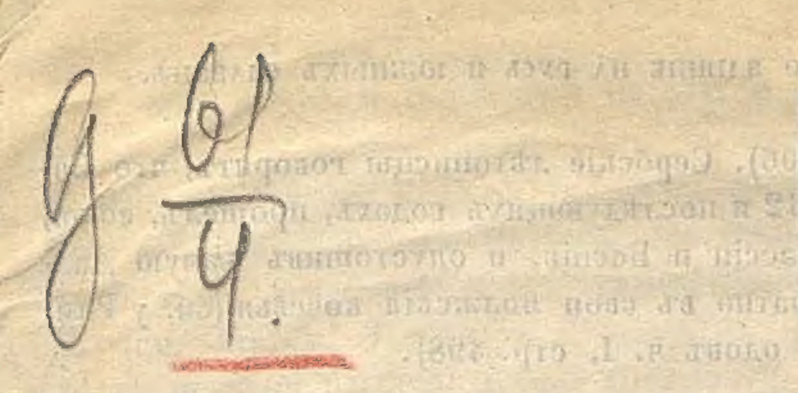

g 61/4

ХАНЪ НАГАЙ

и

ЕГО ВЛІЯНІЕ НА РОССІЮ И ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Чѣмъ ограниченнѣе въ нашей Исторіи число такихъ событій, которыми она соприкасается съ Исторіею Южно-Славянскихъ Царствъ, Болгарскаго и Сербскаго, тѣмъ этѣ событія любопытнѣе для изслѣдованія. Къ числу такихъ событій относится, въ XIII вѣкѣ, водвореніе, сперва на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, а потомъ на низовьяхъ Дуная, Татарской Орды Хана Нагая, власть и вліяніе котораго, какъ оказывается, простиралось не только на юго-Западную Россію, но и на Южныхъ Славянъ.

Еще въ 1240 годахъ Монгольскій или Татарскій Ханъ, Батый, по опустошеніи Сѣверо-Восточной Россіи и разореніи матери градовъ Русскихъ, Кіева, двинулся оттуда на Галицкую Русь, а, перейдя Карпатскія горы, устремился съ своими полчащими и на Угрію, куда скрылся тогда Великій Князь Галицкій, Даніилъ, тщетно искавшій себѣ тамъ союзника для общаго, дружнаго отраженія новыхъ враговъ, и представлявшій Королю ея (Белѣ IV) гибельныя слѣдствія его отказа. Наши лѣтописцы, упоминая кратко о дѣйствіяхъ Батыя въ Угріи, подъ 1241 г., говорятъ: «Король же Бела (Бела IV, сынъ Андрея) и Коломанъ срѣтоша Батыя у Солонои рѣки, и бившимся обоимъ полкомъ, и бысть сѣча велика, и побѣгоша Угрѣ, Татарове же гнашась по нихъ до Дуная рѣки, и стояша по побѣдѣ 3 лѣта, и воеваша до Володавы и по озеромъ (зимой?), и возвратишася въ землю свою»

(Воскр. лѣтопись II, 206). Сербскіе лѣтописцы говорятъ, что Батый изъ Угріи, въ 1242 и послѣдующихъ годахъ, прошелъ, воюя, по Болгаріи, Сербіи, Рассіи и Босніи, и опустошивъ самую Далмацію, возвратился обратно въ свои Волжскія кочевья (см. у Раича въ Истор. Слав. на одовъ ч. I, стр. 498).

Съ этого времени Россійскіе Князья сдѣлались данниками Татаръ, а Южная Русь, опустошенная ими въ конецъ, надолго осталась пустынею, способною привлекать на свои равнины, по слѣдамъ Батыя, другихъ кочевниковъ-воителей. И точно, не прошло и 30 лѣтъ послѣ двукратнаго прохода черезъ Южную Россію съ огнемъ и мечемъ полчищъ Батыя, какъ явился въ нее, уже на постоянное кочевье, выходецъ изъ той же Большой или Золотой Орды Ханъ Нагай. Расположившись сперва на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, а потомъ въ низовьяхъ Дуная, онъ оттуда разсылалъ свои войска въ разныя стороны и былъ достаточно силенъ для того, чтобы заставить заискивать въ себѣ гордую Византію, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Болгарскаго Царства и требовать къ себѣ на службу сына Краля Сербскаго.

Какъ Византійскія, такъ Русскія и Сербскія лѣтописи доставляютъ о Ханѣ Нагаѣ довольно согласныя свѣдѣнія, достаточныя для опредѣленія его личности и современнаго значенія, если не въ подробности, то въ общихъ чертахъ.

Во первыхъ видно, что онъ кочевалъ болѣе въ низовьяхъ Дуная (въ нынѣшней Молдавіи), сдѣлавъ своими данниками жителей этой страны, Влаховъ: «поробыша (говоритъ Сербскій лѣтописецъ) Татары Влашку землю» (Даница I, 31), которыхъ Византійскіе историки безразлично называли то Скиѳами, то Волохами, и во время своихъ походовъ усиливалъ ими свое войско, что и подало поводъ нѣкоторымъ изъ Западныхъ писателей смѣшивать завоевателей съ завоеванными и самихъ Татаръ называть то Волохами (Дюфренъ), то Скиѳами (Мавроурбинъ); но Византійскіе лѣтописцы, Пахимеръ и Грегорасъ, ясно называютъ ихъ Татарами.

По свѣдѣтельству Дегиня (Histoire des Huns I, 288), Ханъ Нагай былъ правнукъ Туши или (по Рит ч. VII, гл. 1) Чучи, а

правильнѣе Джучи Хана, и полководецъ со времени Хана Берки. Отложившись отъ Золотой или Большой Орды, онъ около 1270 года перекочевалъ къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря (см. Истор. Пахимера I, 236) и, расположившись сдѣсь, сталъ искусно расширять свое вліяніе на сосѣднія страны, вмѣшиваясь то въ междоусобныя, то въ домашнія, ихъ распри. Такъ сперва мы видимъ его союзникомъ (вѣроятно, черезъ посредство его данниковъ, Басарабовъ или Волоховъ) Болгарскаго Краля, Константина Теха, который, по свѣдѣтельству Пахимера, пользуясь отвлеченіемъ войскъ Византійскаго Императора, Михаила Палеолога, для войны въ Азіи съ Сельджуцкимъ Султаномъ, Азатиномъ, присоединилъ къ себѣ 20,000 вспомогательнаго Татарскаго войска, объявилъ войну Имперіи: «разсѣявшись по всѣмъ странамъ Болгары, точнѣе же ихъ союзники, Татары, одновременно плѣняли, умерщвляли и отводили въ плѣнъ все, что встрѣчалось имъ на пути,» пишетъ Греческій историкъ. Это ужасное опустошеніе до того устрашило Императора, что онъ не зналъ, что дѣлать; выйдя же на встрѣчу непріятелю съ небольшимъ отрядомъ, который успѣлъ собрать наскоро, былъ разбитъ на голову соединенными силами Болгаръ и Татаръ и рѣшился спасаться бѣгствомъ. Но непріятель, предупредивъ его, занялъ всѣ пути и проходы и уже находился на полъ дня пути отъ Императора. Съ трудомъ удалось ему скрыться въ горахъ и оттуда убѣжать на морской берегъ, гдѣ онъ сѣлъ на корабль и отплылъ поспѣшно въ Константинополь, а войско его, разбѣжавшееся по Ѳракіи, сдѣлалось добычею непріятеля и спаслось только малое число.

Не болѣе успѣха имѣлъ, и призванный на помощь противъ Болгаръ и Татаръ изъ Азіи, Султанъ Азатинъ, * разбитый Константиномъ: онъ былъ осажденъ въ городѣ Енни, жители котораго, избѣгая осады, рѣшились выдать Константину Султана, со всѣми его сокровищами; посланное на выручку Султана моремъ, вспомогательное Императорское войско, прибыло къ городу, спустя два дни послѣ выдачи Султана, сокровища котораго

---

* Султанъ Рума (то есть, Малой Азіи), или Султанъ Сельджуцкихъ Турковъ.

обогатили казну Болгарскаго Краля и дали ему средство щедро наградить наемное войско своего союзника, Нагая. Раздраженный малодушіемъ жителей Енни и его гарнизона, Императоръ обратилъ свой гнѣвъ на Епископа, а начальника гарнизона приказалъ, бивъ, одѣть въ женское платье и водить съ безчестіемъ по городу, какъ «женски предавшаго,» по замѣчанію Пахимера, градъ и Султана. (Пахим. кн. III, гл. 25, Мавроурбинъ стр. 326, Дюфренъ гл. VIII § 10, стр. 109, и Грегорасъ кн. IV, стр. 71, 37),

Все это случилось въ 1270 году. За тѣмъ Императоръ заключилъ миръ съ Болгарскимъ Кралемъ, Константиномъ, выдавъ за него свою племянницу, а въ то же время, чтобы отстранить впредь возможность союзныхъ дѣйствій Болгаръ съ Татарами противъ Имперіи, вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Ханомъ Нагаемъ, выдалъ тоже и за него свою побочную дочь, Евфросинью, и тѣмъ вполнѣ достигъ своей цѣли; ибо, замѣчаетъ Пахимеръ, когда Константинъ начиналъ опустошать земли Греческія, Нагай, по любви къ тестю своему (Императору Михаилу), разстроивалъ всѣ его замыслы. Получивъ же столь сильнаго пріятеля, Императоръ не хотѣлъ уже уступить Константину ни чего того, что обѣщалъ, въ слѣдствіе мирнаго и свадебнаго договора (Пах. кн. V, гл. 5).

Происшедшія по смерти Болгарскаго Краля, Константина, внутреннія междоусобія въ Болгарскомъ Царствѣ дали удобный поводъ Нагаю, въ качествѣ Императорскаго союзника и родственника, вмѣшаться во внутреннія дѣла Болгаріи. Въ 1279 году Нагай велъ войну съ похитителемъ Болгарскаго престола, Лаханомъ, и въ то время, какъ главныя Болгарскія войска, подъ предводительствомъ Лахана, находились въ походѣ, Терновскіе Бояре, пользуясь отсутствіемъ Лахана, отчасти добровольно, а отчасти принужденно, приняли и посадили на престолъ Болгарскаго Царства Асѣня, сына Краля Мицы, поддерживаемаго Императоромъ, а жену Лахана, Марію (вдову Краля Константина), и сына ея, Михаила, выдали вождямъ Императорскимъ. Но царствованіе сего Асѣня, за котораго Императоръ предварительно выдалъ дочь свою, Ирину, продолжалось не долго: видя въ немъ лишь слѣпое орудіе Византійской политики, Болгаре, въ 1280 году, избрали себѣ Пра-

вителя изъ среды своей, нѣкоего Боярина Тертера, а неспособный къ правленію Асѣнь съ женою долженъ былъ спасаться бѣгствомъ.

Тогда въ Ордѣ Хана Нагая явились разомъ два притязателя на Болгарскій престолъ: Лаханъ и юный Асѣнь, оба съ просьбою о помощи противъ Тертера, оба называя его похитителемъ ихъ престола. А такъ какъ Асѣнь былъ присланъ отъ Императора, то онъ и могъ скорѣй расчитывать на помощь могущественнаго Хана. Впрочемъ, Нагай, тая свои замыслы, принялъ ласково обоихъ изгнанниковъ и обоимъ обѣщалъ помощь противъ Тертера, какъ общаго ихъ непріятеля. Однажды, разсказываетъ Пахимеръ, когда Нагай устроилъ пиръ, на которомъ присутствовали Лаханъ съ своимъ Протостраторомъ Цисимпаксомъ, а равно и Асѣнь, и когда всѣ порядкомъ подпили, Нагай вдругъ, какъ бы воспрянувъ отъ сна, началъ разсуждать о просимой ими отъ него помощи, и велѣлъ предстоящимъ рабамъ схватить Лахана, говоря: «Онъ врагъ отца моего (называя себя по женѣ сыномъ Императора).» Они схватили его, уже разслабѣвшаго отъ вина, связали ему руки и, по знаку Нагая, одинъ изъ предстоящихъ воиновъ сѣкирою отрубилъ головы, какъ ему, такъ и Цисимпаксу. Асѣнь съ ужасомъ взиралъ на это неожиданное убійство, опасаясь, чтобы и ему не пришлось испытать того же. И дѣйствительно, та же участь ожидала и Асѣня, если бы жена Нагаева, Евфросинія, не скрыла его (какъ родственника), и потомъ отпустила невредима.

Все это способствовало къ утвержденію на Болгарскомъ престолѣ выше упомянутаго Тертера, тѣмъ болѣе, что вскорѣ сошли съ поприща главные его непріятели: Императоръ Михаилъ Палеологъ и, покровительствуемый имъ, Іоаннъ Асѣнь. Наслѣдникъ Михаила, Андроникъ, поспѣшилъ примириться съ Тертеромъ и возвратилъ ему его законную жену и сына Святослава (содержавшихся въ Константинополѣ, по условію его съ Михаиломъ), а Тертеръ отослалъ обратно въ Константинополь навязанную ему почти насильно въ жену, сестру умершаго Іоанна Асѣня. Это было въ 1283 году.

Но Нагай не былъ доволенъ возстановленіемъ мира между Греками и Болгарами. Онъ началъ опустошать Болгарію и вынудилъ наконецъ Тертера спасаться бѣгствомъ: Тертеръ бѣжалъ въ предѣлы Адріянопольскіе, прося у Андроника помощи противъ Татаръ. Но Императоръ не смѣлъ подать ему помощи, опасаясь тѣмъ привлечь Нагая во Ѳракію. Болгары вынуждены были принять въ Крали нѣкоего Смильцу, котораго поставилъ имъ Нагай. Около этого времени Нагай умеръ, а наслѣдникъ его Чака или Чакасъ, * за которымъ была дочь Тертера, входитъ въ Болгарію, съ цѣлью овладѣть ею, дѣйствуя, съ согласія Святослава, сына Тертера (его шурина), который наружно помогалъ ему во всемъ, прибирая межъ тѣмъ тайно по немногу власть въ свои руки; когда же проложилъ себѣ, съ помощію Татарина, дорогу къ престолу, то внезапно захватилъ и заключилъ его въ темницу, гдѣ онъ, по сказанію Пахимера, былъ удушенъ своими стражами или прислужниками Евреями.

Въ то же время Святославъ приказалъ свергнуть со стѣны и тогдашняго Терновскаго Патріярха, подозрѣваемаго, или уличеннаго, въ сношеніяхъ съ Татарами. Это было около 1296 года. Съ этѣхъ поръ имя Татаръ не встрѣчается болѣе на страницахъ дальнѣйшей Исторіи Болгарскаго Царства: оно смѣнилось вскорѣ

---

* А по другимъ, это было еще при жизни Нагая, и самъ Нагай, разсердясь за что-то на Смильцу, послалъ сына своего, Чаку, отнять у него престолъ. О самомъ же походѣ Чаки и Святослава разсказывается слѣдующее: Чака, съ цѣлью удобнѣе привлечь къ себѣ Болгарскихъ Бояръ, сблизился съ шуриномъ своимъ, Святославомъ, и согласилъ его раздѣлить между собою Болгарскія области. Бѣдность Святослава была вѣрнымъ обезпеченіемъ власти Татарина, а самъ Тертеръ находился еще тогда въ рукахъ Грековъ, не имѣя денегъ, какъ главнаго двигателя для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Святославъ одинъ не могъ предпринять ничего для возстановленія права, которое имѣлъ на Болгарію его отецъ. Случай помогъ Святославу; говорятъ, что онъ нашелъ богатую невѣсту въ торговомъ сословіи, и употребилъ полученныя за нею въ приданое деньги для пріобрѣтенія себѣ пріятелей; привлекая же многихъ на свою сторону, онъ усыпилъ бдительность Татарскаго Князя, и однажды, напавъ на него ночью, задержалъ его со всѣми его приближенными. Пахимеръ прибавляетъ, что онъ былъ затворенъ въ темницу и задушенъ тамъ прислуживавшими ему Евреями. (Болгарскіе книжицы 1858 г., № 4, стр. 122 — 123).

именемъ новыхъ враговъ, иго которыхъ, наложенное на Болгарію, ровно черезъ столѣтіе послѣ сего (1396 году), по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, тяготѣетъ надъ нею и доселѣ тверже, нежели надъ другими областями Турецкой Имперіи.

Но обратимся къ Нагаю. Есть извѣстія, что, по смерти его, Орда его была изгнана изъ Молдо-Валахіи Туктаемъ (или Тохтаемъ), Ханомъ Большой или Золотой Орды, а слѣд., попытка Нагая, или его наслѣдника, овладѣть Болгаріею и утвердиться въ ней, была послѣднимъ дѣйствіемъ вліянія этой Орды, вліянія, начавшагося и кончившагося смертію Нагая; ибо, по всей вѣроятности, покушеніе на Болгарію, кончившееся смертію Чаки, началось еще при жизни его отца, и подъ его руководствомъ.

Не меньшимъ доказательствомъ силы и вліянія, которыми, по счастію, не весьма долго пользовался Ханъ Нагай (отъ 1270 до 1290 или 1296 г.) и его Орда, служитъ и отношеніе его къ Сербскимъ Кралямъ. Послѣ успѣшной войны Краля Стефана (Милутина) съ Греками, пишетъ Сербскій историкъ, Архіепископъ Даніилъ, «ненавидяй добра діаволъ, иже искони человѣкоубійца бысть, тойже и сему беззаконному и нечестивому Царю Татаромъ, глаголему Ногею, вложи во умъ, и наусти его на сего Христолюбиваго Краля и на все отечество его, и начатъ готовитися, яко да воздвигнется съ силами пагубными...» Подтвержденіемъ же и разъясненіемъ этого обстоятельства служитъ собственное свѣдѣтельство Краля Милутина, заключающееся въ извѣстной записи о его царствованіи (составленной по совѣту Архіепископа Никодима и положеной на память родамъ въ Сербской Архіепископіи и 4-хъ Царскихъ монастыряхъ; изъ нихъ Хиландарскій свитокъ цѣлъ и по нынѣ). Въ этой записи Стефанъ, между прочимъ, пишетъ: «Великій и беззаконный Царь Татарскій Ногѣй со всѣми силами воздвигаетсе на ме. Кралевство ми, устроивъ богатые дары, посылаетъ къ нему. Беззаконный Царь, спѣшащій на Кралевство ми, пріемъ дары, возвратисе вспеть. Я послалъ сына Стефана (Дечанскаго) съ великоименитыми властели на службу его (Ногѣя).» Когда отчаявались въ его возвратѣ, Стефанъ невредимъ возвратися: «тогда бо сему беззаконному Царю междоусобная рать бысть» (см. Путеш. по Европ. Турціи, В. Григоровича, стр. 44). Слѣдователь-

но, это случилось въ концѣ Нагаева властительства и славы, около 1296 года.

Изъ этой же самой записи видно, что Татары участвовали въ войнѣ Сербскаго Краля съ Болгарско-Видинскимъ Деспотомъ, Шишманомъ (Стратимиромъ), составляя вспомогательное войско послѣдняго, а нѣсколько прежде они же являются союзниками Браничевскихъ Владѣтелей, Куделина и Дермана, окруживших брата Сербскаго Краля, Стефана Драгутина, въ то время, когда онъ возвращался въ Сремъ, послѣ счастливаго окончанія войны съ Греками. Однимъ словомъ, видно, что во время жизни Нагая, его полчища, въ междоусобіяхъ Южныхъ Славянъ съ Греками и другъ съ другомъ, постоянно играли ту же самую роль, которую въ слѣдующемъ столѣтіи унаслѣдовали Турки, и только благопріятныя обстоятельства спасли всѣхъ тѣхъ, которые пользовались ихъ услугами, отъ Монгольскаго ига, которое уже тяготѣло тогда надъ нашимъ Отечествомъ.

Въ Юго-Западной Россіи Нагай держался той же самой политики: властвуя надъ удѣльными Русскими Князьями, онъ вмѣшивался въ ихъ междоусобныя распри для того, чтобы укрѣплять и расширять свою власть. Первое извѣстіе о Нагаѣ въ нашихъ Южно-Русскихъ лѣтописяхъ (Волынской) встрѣчается подъ 1276 годомъ: слѣдовательно, когда онъ уже, по выше сказанному, окончательно утвердился въ низовьяхъ Дуная (нынѣшней Молдавіи), покоривъ Влашскую землю. Владѣтельные Князья Волынскіе, едва лишь успѣли помириться съ Великимъ Княземъ Литовскимъ, Тройденомъ, когда, въ самую позднюю осень, Ханъ Нагай прислалъ своихъ пословъ, Тегичага, Кутлубугу и Ешимута, съ грамотами къ Владимиру Васильковичу (Волынскому), Льву (сыну Галицкаго Короля Даніила) и Мстиславу, въ которой писалъ имъ, какъ уже своимъ данникамъ: «Всегда ми жалуете ма Литву: о се вы далъ есмь рать и Воеводу съ ними Мамшея. Пойдѣте же съ нимъ на ворогы свои!» Зимой, воспользовавшись симъ, а можетъ быть исполняя лишь волю Хана, Мстиславъ и Владимиръ устремились на Литву, куда Левъ, не поѣхавъ самъ, отправилъ сына, Юрія. Идучи къ Новогородку, они получили въ Берестьи (Берестѣ Русскомъ, теперь -Литовскомъ) увѣдомленіе, что они уже предварены у перваго Татарами и разсу-

дили такъ: «Оже пойдемъ къ Новугородьку, се тамо уже Татарове извоевали все; пойдемъ кдѣ къ цѣлому мѣсту.» И тако сдумавше, поидоша къ Городну,» и, миновавъ Волковыйскъ, остановились ночевать. Сдѣсь Мстиславъ и Юрій, тайно отъ Владимира, послали лучшихъ Бояръ, подъ начальствомъ Тюймы, для добычи. Но они, по своей оплошности, на обратномъ пути попали въ плѣнъ Городенскому гарнизону. Не смотря на эту неудачу, Князья приступили къ осадѣ Городна, и сняли ее лишь тогда, когда осаждаемые выдали плѣненныхъ ими Бояръ и воиновъ. (Ипат. стр. 207). Между тѣмъ въ Польшѣ (1279 г.) умеръ Болеславъ Краковскій, не оставивъ по себѣ наслѣдника. Левъ хотѣлъ завладѣть державой покойнаго, но не былъ допущенъ Польскими Вельможами, посадившими Лешка Чернаго на престолъ Краковскій. Сынъ Даніила, желая воспользоваться хотя порубежною частію, уѣхалъ къ Нагаю, и получилъ отъ него вспомогательное войско подъ начальствомъ Кончака, Козѣя и Кубатана. Съ ними и сыномъ Юріемъ, Левъ радостно выступилъ зимою въ походъ къ Сандомиру. Владимиръ и Мстиславъ съ сыномъ Даніиломъ былъ вынужденъ также принять участіе въ этомъ походѣ. Всѣ они перешли Вислу по льду у самаго города, сперва Левъ, послѣ Мстиславъ, наконецъ Татары, и расположились около города; но нестройная рать Львова скоро разбрелась за добычею и была по частямъ разбита непріятелемъ. Поляки убили многихъ Бояръ и нѣсколько Татаръ, а Левъ съ безчестіемъ возвратился домой. Въ отплату за это, Лешко выступилъ самъ противъ Льва, взялъ городы его, Переворескъ (нынѣ Преворскъ, недалеко отъ Перемышля) и Львовъ, изрубилъ тамъ всѣхъ и, по разореніи Львова, ушелъ обратно (Тамъ же, стр. 208 и слѣд.).

Въ 1282 или 1288 году явился изъ Большой Орды (Сарайской или Золотой) Ханъ Телебуга. Направляясь для завоеванія Польши, онъ по пути посѣтилъ Нагая, но не сошелся съ нимъ. Ханъ велѣлъ Заднѣпровскимъ и Волынскимъ Князьямъ слѣдовать въ этомъ походѣ за собою и приблизился къ рѣкѣ Горыни. Мстиславъ Даниловичъ съ напитками и дарами явился къ нему на встрѣчу; равную почесть получилъ Телебуга и отъ Владимира при Леѣ, идучи мимо Кременца къ Перемилю. Левъ явился съ такимъ же приношеніемъ у Бужковичей. Сдѣлавъ смотръ войску въ

тамошней равнинѣ, Князья пошли, въ слѣдъ за Ханомъ, къ Владиміру Волынскому и остановились у Житани. Телебуга поѣхалъ осматривать Владиміръ; иные сказываютъ, что и былъ въ немъ. Однако Татары не завладѣли городомъ, а только произвели большія насилія, награбили много имущества и обобрали лошадей. Отсюда Ханъ направился далѣе въ Польшу (Тамъ же, стр. 210 и слѣд.). Послѣ этого въ Волынской лѣтописи описанъ походъ Телебуги въ Польшу: «а съ нимъ идоша вси Князи, неволею Татарьскою,» откуда онъ возвратился ни съ чѣмъ: «вѣсть бо приде къ нему, говоритъ лѣтописецъ, оже Ногай попередилъ его ко Кракову прити, и про се бысть межю има болшее нелюбье, и тако, не снимався съ Ногаемъ, и поиде назадъ на Львову землю (Льва Даниловича Галицкаго), на городъ на Львовъ, и стояша на Львовѣ землѣ двѣ недѣли, кормячесь, не воюючe..... Кто выѣхашеть изъ города, овы избиваша, а друзіи поимаша, а иныя, излупивше, пущаху нагы а тѣи отъ мороза изомроша, зане бысть зима люта велми.... Измре въ городѣхъ во остою (осадѣ) бесчисленое множьство, друзіи же изомроша въ селѣхъ, вышедше изъ городовъ, по отшествіи беззаконьныхъ Агарянъ» (Тамъ же, стр. 212). Нагай при Краковѣ не имѣлъ успѣха. Нападеніе Нагая и Телебуги на Польшу Польскіе историки относятъ одни къ 1288, а другіе къ 1291 году.

Наши Великорусскіе лѣтописцы также упоминаютъ о Ханахъ Нагаѣ и Телебугѣ: такъ во время борьбы между сыновьями Александра Невскаго, въ 1282 году, когда Андрей вторично ходилъ въ Большую Орду съ жалобою на своего брата, В. К. Дмитрія Александровича, и вернулся во Владиміръ съ вспомогательнымъ Татарскимъ войскомъ, Дмитрій бѣжалъ на берега Чернаго моря къ Хану Нагаю, какъ сопернику Хана Золотой Орды, былъ принятъ имъ съ честію, и, получивъ отъ него вспомогательное войско, изгналъ изъ Владиміра Андрея. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что помощь эта была не безкорыстна, и Даніилъ получилъ ее не иначе, какъ признавъ себя данникомъ Нагая (Новгородская лѣтопись подъ 6791 годомъ). Вторично упоминаютъ намъ лѣтописи о Нагаѣ, по случаю происшествій въ Курской области, а именно: Въ 1278 г. Ханъ Нагай, утвердившись въ Южной Россіи, покорилъ Курскую область, а въ 1283 году одинъ изъ

его Баскаковъ, Ахматъ, откупивъ дани въ этой области, сталъ притѣснять Князей и народъ, и населилъ въ окрестностяхъ разореннаго Курска двѣ слободы; принимая подъ свою защиту бѣглыхъ преступниковъ, онъ завелъ тамъ разные промыслы и производилъ торги. Когда же Святославъ, Князь Липецкій (одинъ изъ Князей Курской области), съ дозволенія Хана Большой Орды, Телебуги, разорилъ Ахматовы слободы, въ его отсутствіе, тогда Ханъ Нагай послалъ для защиты Ахмата войско (1284 г.), и Князья Курскіе принуждены были по неволѣ на время уступить, поплатившись при томъ разореніемъ своихъ городовъ: Ворголя, Липецка и Рыльска. Когда же Татары ушли, то Ахматъ, хотя и возобновилъ слободы, но, не имѣя смѣлости самъ жить въ нихъ, оставилъ, для охраненія ихъ, своихъ братьевъ. Случилось такъ, что въ въ Ѳомино Воскресенье (1284 г.) оба брата Ахматовы шли, съ 30 человѣками Русскихъ, изъ одной слободы въ другую; Святославъ, Князь Липецкій, подстерегъ ихъ на дорогѣ и, ударивъ внезапно изъ засады, убилъ изъ означеннаго числа 25 Россіянъ и 2 Татаръ. На другой разбѣжались врознь и жители обѣихъ Ахматовыхъ слободъ. Олегъ Рыльскій, не знавшій ни чего о семъ, былъ тогда въ Большой Ордѣ у Телебуги; услышавъ же о поступкѣ Святослава, онъ не одобрилъ его, боясь новаго мщенія со стороны Нагая: «Для чего ты поступилъ не по правдѣ, говорилъ онъ Святославу, и возложилъ разбойническое имя на меня и на себя? Прошедшею зимою ты ударилъ грабительски на слободы, а теперь разбилъ на дорогѣ. Знаешь обычай Татарскій! И у насъ въ Руси разбои не проходятъ даромъ. Пойди въ Орду и отвѣчай какъ знаешь.»—«Знаю, что дѣлаю,» возразилъ Святославъ; «я правъ: они мнѣ враги.»—«Мы съ тобою присягнули, говорилъ Олегъ, дѣйствовать единодушно; однако, при нашествіи на насъ непріятелей, ты, не поѣхавъ со мною къ Хану, остался въ лѣсахъ Воронежскихъ для разбоя и забылъ клятву. Для чего убивать Татаръ самоуправно? Ты сдѣлалъ и меня и себя отвѣтчикомъ, къ Хану же твоему, Нагаю, не идешь оправдываться; и такъ пусть Богъ разсудитъ насъ.» За тѣмъ Олегъ отправился въ Орду; возвратясь оттуда съ Татарами, онъ, съ позволенія Ханскаго, убилъ Святослава. А вскорѣ, къ великой радости Ахмата, братъ Святослава, Александръ, убилъ Олега и двухъ его сыновей. Такъ Русскіе Князья гибли въ междоусобіяхъ, на радость своимъ врагамъ!

Что сталось съ Нагаемъ и его Ордою? Мы уже упомянули выше, что, по однимъ извѣстіямъ, онъ умеръ въ своей Ордѣ, а по другимъ убитъ своимъ соперникомъ, Ханомъ Большой (Сарайской) Орды, Тохтой. Такъ или иначе, но наши и Сербскія лѣтописи согласно свѣдѣтельствуютъ, что удаленію или переселенію Нагайской Орды съ береговъ Чернаго моря предшествовало внутреннее междоусобіе Татарскихъ Хановъ. Наши лѣтописцы подъ 1291 годомъ пишутъ: «Заратись Царь Тохта съ Телебугою Царемъ и со Алгуемъ, и побѣди Тохта Телебугу» (Воскр. II, 266). «Бысть мятежь въ Татарѣхъ: Царь Ногуй уби Телебугу Царя и Ангуя Царя» (1 Новгор. подъ 6799 г.). «Заратишася во Ордѣ Цари, Тохтя съ Телебугою и со Олгуемъ, и одолѣ Тохтя. Того же лѣта Ногой Царь уби Телебугу Царя и Салагуя» (Ник. III, 89). И такъ, послѣ этого междоусобія остались два Хана: Тохта и Нагай; снося съ этѣмъ извѣстіемъ Болгарское сказаніе о изгнаніи Тохтою изъ Молдавіи Нагая (Болгар. книжицы 1858 г., № 4, стр. 122), становится ясною причина какъ бы внезапнаго исчезновенія съ театра дѣйствій Орды, основанной Нагаемъ на берегахъ Чернаго моря. То же подтверждаютъ и Сербскіе лѣтописцы, говоря: «По отшествіи сего (сына Краля Милутина, Стефана) отъ Ногая, малу времени минувшу, діавольскимъ навažденіемъ воста нѣкоторый единъ сильно именитый тогожде языка Татарскаго съ силою своею, и пришедъ на сего нечестиваго Царя Ногеа, хвалившася на державу сего благочестиваго (то есть, Сербскаго Краля Милутина), и ту велицѣй рати бывшей и кровопролитію между ими, и умертвивъ й (то есть, Ногая) оружіемъ своимъ, пріятъ престолъ его. И оттолѣ начаша сами вражды имѣти между собою, скончавающеся» (Даніиловъ Родословникъ). Очевидно, что Тохта, побѣдивъ Нагая, котораго Ханы Большой Орды должны были считать всегда бунтовщикомъ, какъ отложившагося отъ нихъ своевольно, перемѣстилъ его Орду, съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, ближе къ своимъ Волжскимъ улусамъ (туда, гдѣ до послѣдняго времени сохранились еще ея остатки), черезъ что избавлялись Южные Славяне отъ близости столь опасныхъ и хищныхъ сосѣдей. Извѣстныхъ въ послѣдующія времена Нагайскихъ Татаръ надобно считать остатками этой воинственной Орды, справедливо усвоившими и сохранившими за

собою имя дѣйствительно замѣчательнаго, по своимъ широкимъ замысламъ и современному вліянію, своего перваго властителя.

Д. Членъ **Архимандритъ Леонидъ.**

Константинополь.
Февраль 1867 года.

Изъ 3-й книги «Чтеній» въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1868 года.

Москва. Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К.) на Страстномъ бульварѣ.